

АННА СЕШТ

ЗОВ
ДИКОЙ ОХОТЫ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ HELGA WOJIK

Анна Сешт
Зов Дикой Охоты
Серия «Архитекторы реальности.
Иллюстрированная фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68332024

*Зов Дикой Охоты:
ISBN 978-5-04-175642-0*

Аннотация

Заповедные леса поют древним волшебством в заботливых руках Богини, древней Матери людей и фэйри. Колдовские огни завораживают странников, и духи нашёптывают старые сказки...

В ослепительном свете дня перед людьми открыт путь нового знания, способного выжечь старые страхи, изгнать таящихся в колдовской ночи чудовищ. В руках умелых воинов покоряет земли волшебства ядовитая сталь.

Дикая Охота мчится над землёй, и звенит, леденя кровь, рог Бога-Охотника. Как и прежде, Всадники заберут отжившее.

Содержание

I	5
II	8
III	18
IV	26
V	30
VI	34
VII	36
VIII	39
IX	42
X	54
XI	58
XII	64
XIII	71
XIV	77
XV	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Анна Сешт

Зов Дикой Охоты

© Сешт А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Всадники скачут от Нок-на-Рей
Мчат над могилою Клот-на-Бар,
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав кличет: «Скорей, скорей!
Выкинь из сердца смертные сны,
Кружатся листья, кони летят,
Волосы ветром относит назад,
Огненны очи, лица бледны.
Призрачной скачки неистов пыл,
Кто нас увидел, навек пропал:
Он позабудет, о чём мечтал,
Всё позабудет, чем прежде жил.
Скачут и кличут во тьме ночей,
И нет страшней и прекрасней чар;
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав громко зовёт: Скорей!»*

У. Б. Йейтс. Воинство сидов. в переводе Г. Кружкова

I

– Склонись перед своим королём, – проговорил кемранский военачальник.

Айдра по прозванию Волчье Око – вождь дикого народа келлов – не удостоил его даже взглядом. Во все глаза он смотрел на стоявшего перед ним демона во плоти, облачённого в тускло поблёскивающие доспехи. Только демон, не человек, мог сражаться *так*. Могучие воины-келлы не смогли противостоять ему и его рыцарям. Даже сам Айдра, вызвав его на бой, проиграл. Что ж, за таким, как Вальтен Завоеватель, непобедимый владыка Кемрана, не стыдно было последовать и гордому народу келлов, если бы только он не нёс с собой новое противоестественное знание. Но доходили смутные слухи, что Завоеватель не поработал завоёванные народы, не сгибал их тяжёлым ярмом ядовитой стали. Кемранцы были воинами, а не головорезами и не проливали лишней крови.

Сегодня вождю предстояло проверить это.

– Я отдаю тебе свою жизнь с радостью, Вальтен Завоеватель. Пощади мой народ. Что мы сможем предложить тебе и Кемрану, если ты убьёшь всё то, что мы чествуем?

Взмах руки, закованной в латную перчатку, – и воины вокруг Айдры опустили направленные на вождя клинки. Король Кемрана поднял забрало.

«Так молод!» – изумлённо подумал Волчье Око, глядя на жёсткое, как у всех кемранцев, благородное лицо короля.

Вальтен Завоеватель, одолевший в бою самого Айдру из келлов, действительно был намного моложе, чем мог представить себе вождь. Но его ледяные тёмно-синие глаза не горели юношеским задором победителя. В них были такая горечь и усталость, что это выделяло его даже среди представителей его хмурой, скупой на эмоции расы.

– Я хочу, чтобы ты остался вождём, Айдра Волчье Око, – сказал король. – Присягни мне сегодня. Я оставлю твоему народу ваши земли, если они станут частью Кемрана. Служите мне, как служит мне мой народ. Мне нужен ваш дух воинов, а не дух рабов.

Изумлению Айдры не было предела.

– Во имя Отца и Матери Мира! Ты принёс в наши земли ядовитую сталь. Чего же ты хочешь, король Вальтен?

Нечто странное отразилось в тёмных глазах кемранского властителя, величайшего воина их времени, чья слава гремела по всем известным землям.

– Я хочу, чтобы вы сохранили то, во что верите, *любой ценой*. Поклянись мне, Айдра Волчье Око, и останешься вождём своего народа.

В тот день народ келлов присягнул Кемрану, и границы королевства расширились.

– Каков твой следующий приказ, мой король? – спросил

военачальник Торан, когда пришло время покидать земли келлов. – Возвращаемся домой?

Вальтен Завоеватель покачал головой.

– Пусть основная часть войска возвращается в Кемран. Я хочу навестить нашего союзника, короля-друида Иннру. Поезжай со мной, если желаешь, и отбери воинов нам в сопровождение.

Суровое лицо Торана просветлело, и он поклонился в седле.

– Да, мой король.

Радостное волнение царило среди его воинов, когда он передал им приказ короля: отправляться в Валлу, землю волшебства. Не только его сердцу Валла дарила покой, который Торан давно уже не чувствовал дома.

II

Ноги сами несли её в колдовском танце, в ритме чарующей песни. Эту песню ткал ночной ветер, и она вторила ему своим волшебным голосом, в котором звенели тени потустороннего. Искры мелодий осыпались в город, стучались в закрытые ставни, но большинство людей страшилось отзываться на стук и отпираться свои сны. Лишь немногих смелых касались отзвуки её сказки.

Ночь расправила свои тёмные украшенные россыпью бриллиантов крылья, вздохнула и разлилась лунным светом. Остались позади замковый сад, спящий город, крепостная стена. Она протанцевала над лугом и теперь летела к заповедному дубовому лесу, издревле находившемуся под защитой королевского рода. Лес манил её, звал. Вдалеке она слышала переливы других голосов, подобных её собственному. Ей никогда не удавалось приблизиться к ним достаточно, чтобы поймать блуждающие огни и увидеть лица тех, кто звал её так пронзительно и невыносимо своим присутствием. Она пела, и они слышали, но не могли приблизиться к ней так же, как она не могла найти их. Она брела по их следу, иногда находя отмеченные ими заколдованные поляны, но всегда чуточку опаздывала, приходила, когда они уже снимались с места и отправлялись дальше по своим зачарованным тропам.

Её босые ноги коснулись мягкой травы, когда она в нерешительности остановилась на краю леса, прервав свой танец-полёт. Вдалеке, во мраке чащобы, в хитросплетениях древних ветвей звенели нездешние голоса, манила, вынимала сердце из груди сказочная музыка. Больно было понимать, что сегодня она снова не доберётся до них, но она должна была попробовать.

Раздался едва слышимый призрачный перестук копыт. Она обернулась, уже зная, кого увидит там. Тёмный сотканный крылатой ночью неосёдланный конь переступал с ноги на ногу, не решаясь приблизиться к ней. Непокорное пламя рубиновых глаз приглушала глубокая печаль. Следом вынырнули из мрака туманные псы, завились текучими тенями, обретая подобие формы. Они радостно приветствовали её, но тоже не решились приблизиться.

А потом показался тот, кто встречал её здесь каждый раз, – тёмный Всадник на таком же коне, как тот, что одиноко ждал её. Его плащ висел сложенными чёрными крыльями, а лицо, как всегда, скрывал глубокий капюшон. Затянутые в перчатки руки сжимали поводья коня – мглистые змейки, охватывавшие шею мудрого скакуна, никогда не знавшего узды.

– Пусть ночь раскроет вам желанные объятия, – тихо поприветствовала она привычной фразой всё это странное собрание.

Псы тихо, шепчуще заскулили. Кому-то этот звук пока-

зался бы жутким, как заунывная песнь призраков, но только не ей. Кони негромко приветственно заржали. Голос каждого из них был будто соткан из нескольких и отозвался в лесу потусторонним эхом.

Всадник склонил голову.

– Пусть она осыплет тебя своими драгоценностями.

Его голос – глубокий, тягучий – тоже не мог принадлежать никому из тех, кто каждый белый день бродил по земле. Для неё этот голос был мягким, но он мог быть и смертоносным, как последний свист меча.

Она чуть улыбнулась, радуясь встрече, а потом с тоской посмотрела на лес, вслушиваясь в перезвон далёких голосов.

– Ты не сможешь достигнуть их, пока не очнёшься от сна **там**, – тихо напомнил Всадник, – от сна куда как более глубокого, чем тот, что приводит тебя сюда.

– Но ведь ты приходишь. – Она чуть улыбнулась ему и приблизилась, глядя в провал капюшона. – **Они** не ждут меня, но ты приходишь всегда.

Черт его лица она никогда так и не смогла разглядеть и не помнила даже, было ли у него лицо. Но иногда, как сейчас, его глаза вспыхивали вдруг, как у ночного зверя – серебристо-стальные огни в тени.

– Мы здесь для тебя, – пожал плечами Всадник, придерживая поводья своего коня. – Мы выбрали так.

Она протянула руку и, остановив ладонь почти у самой головы скакуна, вздохнула.

– Я благодарна вам. Но вы ведь не можете вернуться домой. Из-за меня...

– Пока не можем, да. Как и ты.

Своим сердцем, самой глубиной своей сути она помнила, о чём он говорил, но никак не могла поймать пламенную птицу этой мысли – так же как не могла поймать блуждающие огни в лесу. Была только неизбежная тоска по чему-то безвозвратно утерянному, и она не знала дороги, хоть та и звала её.

– Как жаль, что вас даже нельзя коснуться.

Туманные псы заскулили, грустно перетекая из формы в форму. Неосёдланный конь досадливо стукнул копытом, высекая искры. Всадник только покачал головой.

– Слишком дорого дастся тебе каждое касание здесь, на границе, когда не истончается Вуаль Матери. Мы выпьем силы твоей хрупкой плоти, сами того не желая.

Как в тумане она внутренне увидела давнее своё пробуждение, когда руки и ноги налились свинцом, кровь отказывалась течь по венам и каждый вздох давался с трудом. Но ночной полёт стоил того, стоил каждой минуты последующего странного недуга, и сейчас она мечтала повторить его.

Всадник нарушил молчание, прежде чем она успела попросить его.

– Ты полюбила человека, – проговорил он с нотками печали.

Она отвела взгляд и кивнула.

— А желанна ли ему ты?

— Нежеланна, — с горечью ответила она. — Не обещана. Его сердце молчаливо, как заброшенный лесной омут. И всё же я смею мечтать, что сумею пробудить его.

Всадник ничего не ответил. Она решительно подалась вперёд и сжала его затянутую в перчатку руку...

Риана вскрикнула и проснулась. Казалось, кто-то скинул её на смятую постель, и болью отозвалась каждая косточка. Сердце вяло трепыхалось в груди — как и всегда после её снов-путешествий. Она попыталась поймать то томительное чувство, вспомнить подробности... и не смогла. Ей остались лишь хрупкие отголоски пережитого, мельчайшие искры вместо огня, который до поры до времени свернулся где-то на самом дне её сути.

Рука онемела и похолодела, но сейчас девушка была рада этому напоминанию о том, что всё было *по-настоящему*. Её ждали. *Где-то* она всё же была желанна. *Где-то* она умела всё то, что должна была уметь. Она могла не помнить всего, но знала это сердцем.

Здесь она совсем не могла танцевать. Кто-то будто подменял её ноги, и они забывали грациозность походки принцессы, делались вдруг чужими и неуклюжими.

Здесь она не могла петь. Стоило ей попытаться исполнить какую-нибудь балладу, как её низкий приятный обычно го-

лос начинал походить на воронье карканье.

Риана пробовала, обманывая себя ожиданиями, и раз за разом разочаровывалась. Но и не пытаться она не могла. Её сердце томилось без музыки, и она чувствовала себя покалеченной без возможности выразить себя так, как хотела. А уж сколько раз она слышала шепотки за спиной! *«Младшая дочь прекрасной королевы-ведьмы Лиоры так похожа на неё лицом! Но ах, Риана ведь не унаследовала её даров, кроме потомственного ведьмовства, типичного для женщин Валлы, и особенно для королевской семьи»*.

Всё это она могла в своих снах-путешествиях и поэтому знала, чего была лишена. А ещё песня и танец становились подвластны ей в Священные Дни, но в этом как раз не было ничего удивительного. Когда истончалась Вуаль Матери, у многих открывались недоступные в обычное время таланты. Зато одного у принцессы не мог отнять никто: она писала чудесные сказки о местах и событиях, которых никто не видел, но о которых мечтали многие. Она и сама не знала, откуда к ней спускалось вдохновение. Возможно, слова и образы навевали ей эти сны-путешествия.

Спохватившись, Риана быстро поднялась с ложа и подбежала к распахнутому окну, но не успела задвинуть щеколду – Илса вошла раньше. Хмуро окинув девушку взглядом, пожилая ведьма покачала головой, прошла к окну и быстро закрыла его.

– Снова ты уходила! Волосы спутаны, босые ноги покры-

вает роса, а ночной убор смят и пахнет лесом. Не отпускают тебя Дороги Ши ¹. Может быть, права была твоя покойная матушка, когда советовала забрать окна решётками из звёздного железа. Да только где ж его взять-то!

– Не сердись, Илса, – тихо попросила девушка. – Я не помню, как ухожу, но я ведь всегда возвращаюсь. И никто ещё ни разу не видел меня.

Илса прищурилась. В её пронизательных глазах отразилась тень искренней тревоги за девушку. Но даже она так и не смогла простить Риане смерть королевы, своей близкой подруги. И так же, как и все, Илса побаивалась того, что таилось в принцессе.

– А если заблудишься однажды и не вернёшься домой? Это разобьёт твоему отцу сердце.

Риана с горечью усмехнулась.

– Он бы и рад был, если б я никогда не вернулась. Может быть, мне и правда стоит заблудиться на Дорогах Ши...

– Не говори так, девочка моя. Сегодня канун Праздника Отцова Огня. Вуаль Матери истончается в такие ночи над всем Миром, и *другие* Её дети бродят среди нас. Сейчас особенно опасно вести такие речи.

– В эту ночь я, как и прочие, вряд ли буду спать. – Девушка чуть улыбнулась.

¹ Ши, или Сиды, Сидхи (Aes Sidhe) – в кельтской мифологии высшие Фэйри. В кельтском фольклоре Фэйри общее название для всех сверхъестественных существ. В некоторых легендах Ши ещё считались старшей братской расой людей (примеч. автора).

Илса одобрительно кивнула и с интересом спросила:

– Уж не молодого ли короля Вальтена ты рассчитываешь очаровать накануне Праздника Отцова Огня? Каждый раз, когда он гостит у нас, ты сама не своя.

Риана зарделась, а потом всерьёз задумалась: а с кем она мечтала в эту мистическую ночь отпраздновать Единение Отца и Матери Мира – с Вальтенем Завоевателем, правителем Кемрана, захватившим её помыслы, или *тем*, другим, чьего имени она не знала?

Внутренняя Сила Вальтена завораживала её. Он был могучим воином и Воином по духу. Он был похож на героя легенды из тех, которые поражают чудовищ и спасают принцесс из башен. Но его взгляд был холодным, и гореть его заставляла совсем иная страсть, чем та, что была доступна большинству людей. Правда, принцессе казалось, что искра Богини, сокрытая в каждой женщине – особенно в *подходящей* ему женщине, – могла бы растопить его лёд. Невозможно было чувствовать какой-то надлом в нём и совсем не желать исцелить его. Риана даже написала об этом волшебную сказку со счастливым концом, но Вальтену её показать не решилась...

А *тот*, другой, чей огонь она помнила так ярко, кто находил её сквозь всё, – разве он не тревожил её сердце? Он был единственным, кто посягнул на искру Богини в ней. Это противоречило всему возможному, ведь *неслучайными* встречи становились только для тех, кто уже выбрал спутника и по-

тому договаривался заранее. Те, кто уже любил, праздновали Единение друг с другом. Все остальные пробуждали в себе искру и вверяли себя в руки Отца и Матери Мира, встречая воплощение Богов в ком-то незнакомом и сами становясь таким воплощением. Многие встречали в эту ночь свою судьбу, с которой потом соединяли свою жизнь.

Том, другой – только он праздновал с ней мистическое Единение каждый раз с тех пор, как она перестала быть ребёнком и впервые вышла в пылающую ритуальными кострами ночь вместе со всеми. И каждый раз она узнавала его сердцем и плотью, хотя никогда не видела его лица, никогда так и не узнала, кем он был в своей обычной жизни, вне Священных Дней. Станным образом он всегда находил её под любой маской, не давая шанса приблизиться к ней никому больше.

В самых тайных, самых безумных своих мечтах, в которых Риана даже себе боялась сознаться, она желала, чтобы эти двое оказались одним...

– Дорогая, я не знаю, станет ли король Вальтен высвободить сегодня искру Бога в себе, – вздохнула Илса, прервав её мысли. – В землях Кемрана уже не следуют многим традициям. Там чествуют Отца и постепенно забывают Мать. – Она сокрушённо покачала головой. Риана тоже невольно вспомнила доходившие до Валлы тёмные истории о жрецах Отца, отрицавших всякую правду, кроме собственной. – Ох, и погибельный это путь. Одно не может существовать без друго-

го... Вальтен – человек других нравов, чем мы, *опасный* человек. Странно, что он снова пришёл в Валлу как гость и как друг. Что мы можем предложить Завоевателю?

Девушка отвела взгляд. Дар иного знания коснулся её лёгким крылом совсем кратко, но достаточно, чтобы она успела узнать ответ.

– Вальтен пришёл в Валлу в поисках волшебства, – с улыбкой ответила принцесса и посмотрела на свою наставницу. – Возможно, здесь он найдёт то, что ищет.

III

Костры озаряли ночь, дразня её, приманивая, соблазняя сбросить покров тайны. Накануне Праздника Отцова Огня они пылали особенно ярко, знаменуя приближение лета, пробуждая пламя жизни в уснувших на зиму сердцах.

Жрицы Матери пели о том, как под покровом темнокрылой таинственной ночи Мать сбросит свою Вуаль и пригласит Отца отпраздновать Единение, и Их любви будет вторить сама природа и всё живое в ней. Жрецы Отца с ликованием повествовали, как на рассвете Он поднимется с брачного ложа, счастливый, откроет свою сокровищницу и разольёт благодатное золото над ждущей Его милости землёй. Но то будет лишь на рассвете, а ночь накануне была торжеством их союза, торжеством жизни в каждом, в ком горела искра Богов.

Сегодня истончалась Вуаль Матери над всем Миром – хрупкая и вместе с тем непроницаемая граница между привычным и потусторонним. Вместе с людьми этот день праздновали *другие* дети Отца и Матери. Никто не знал, чьё лицо на самом деле скрывалось под маской первого встречного, кто среди прочих веселился и танцевал у костров, чьи голоса и чей восторг сплетались в полных бесшабашной радости песнях. Эта ночь преображала и самих людей, смывая границы, отпирая засовы, замыкавшие тайны души, позволяя

искрам их существа гореть подобно праздничным кострам. Чистая концентрированная Сила проливалась в Мир торжествующим звоном бурной полноводной реки.

Риана, никем не узнанная, смешалась с толпой. Ей нравилось участвовать в колдовских песнопениях, ведь сегодня ей наяву удавалось то, что удавалось только в снах-путешествиях. Во время Священных Дней она чувствовала себя *совсем* иначе. Если бы кто-то спросил её, она бы даже не сумела объяснить, в чём заключалась перемена. Просто сама ночь как будто отпирала тяжёлые засовы в ней, плавила решётки барьеров и выпускала свойственную ей магию. Разумеется, это происходило не только с ней. Высвобождение искры Богини всякую женщину – тем более ведьму – делало на краткие мгновения отражением самой Матери Мира на земле. Всякая жизнь являлась отражением Отца и Матери Мира, всякая была отмечена Их Любовью. Но почувствовать это *по-настоящему* можно было лишь в самые необыкновенные, поистине волшебные моменты.

Немного отстав, девушка неспешно побрела по лугу, медля присоединяться к толпе танцующих. Мягкая земля пела под босыми ногами, полная животворной силы. Риана подняла голову к звёздному небу и вздохнула, улавливая таинственные ароматы, вслушиваясь в песни, которые в своём переплетении создавали нечто чарующее, почти потустороннее. А когда она закрыла глаза, то вспомнила отголоски своих снов-путешествий. На миг ей даже показалось, что те,

кого она пыталась догнать, сегодня тоже зажигали свои заколдованные фонари от общих костров. И совсем некстати вспомнился ей вдруг давний полёт в Последнюю Ночь Года, в Ночь Дикой Охоты, когда привычный тёплый лик Отца был ликом Охотника, Собирателя душ. Сегодня была ночь чествования совсем иных проявлений Мира, но она никак не могла забыть призрачный перестук копыт коня, для которого сами ветра становились дорогой, и звенящий, зовущий вой туманных псов, бегущих рядом с ней. Только однажды гости её снов-путешествий сдались её уговорам и подарили ей это чудо, ценой которому стал длительный недуг, но она никак не могла забыть.

Риана тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, и посмотрела в сторону заповедного леса. Оттуда сегодня тоже доносились смех и голоса, и она была абсолютно уверена – не только людские. Те, кто бродил Дорогами Ши, любили порезвиться вместе с остальными. Над кем-то из людей они подшучивали, кого-то одаривали, а с кем-то – как говорили – даже праздновали Единение Отца и Матери Мира.

А потом Риана окончательно потеряла себя привычную и стала собой *настоящей*, одним из воплощений Матери Мира. Ей казалось, что за её спиной, почти как у самой ночи, тоже распахнулись крылья, когда та особая Сила, пробуждавшаяся во многих сегодня, понесла её к кострам. Она остановилась на границе света, ожидая нужного момента, всматриваясь в фантасмагорические силуэты танцующих. Их внут-

ренным волшебством звенел сам воздух, и в сверкающих потоках Силы уже было не разобрать, какая нить тянулась от какой искры.

Высокая фигура приблизилась к ней, различив её среди прочих. Мужчина поклонился и сложил руки в особом мистическом жесте выбора. Ощутив протянувшуюся между ними нить, Риана ответила своим жестом принятия выбора и вложила руку в его раскрытую ладонь. Таким сегодня было её воплощение Бога.

Мужчина увлёк её к костру в ритуальном танце. Его Сила была ей знакома – опасное непокорное пламя, ставшее уже родным ей. Этому пламени она без страха вверила бы себя даже в другую ночь, не освящённую столь ярким присутствием волшебства Отца и Матери Мира. Наверное, он был её судьбой, и всё же она не могла найти его среди масок привычных лиц, когда собственное волшебство засыпало в ней. В Ночь Празднования Единения нельзя было спрашивать, нельзя было заговаривать с тем, кого послали Боги, так же как нельзя было снять маску и увидеть лицо своего воплощения Его Силы. Лишь язык волшебства и чувства был доступен, но с его помощью невозможно было узнать имя.

Тот, кто неизменно находил её среди всех, увёл её в лес, в тенистую лощину, где ночь распахнула над ними свои искристые тёмные крылья и спрятала их от всего остального Мира. Риана раскрылась его Силе, вверила ей себя, разделяя с ним радость и древнюю магию. Она уже знала, каким будет вкус его губ, какой будет сладость его объятий, словно не прошло всех тех месяцев с последней подобной ночи. Она радовалась его присутствию всем своим существом, когда они разделили уже иной ритуальный танец, празднуя Единение, переплетаясь душами так, как было доступно немногим даже в этот Праздник. И только потом она почувствовала неумолимую перемену в нём. Сегодня он был отчаяннее, жёстче... опаснее. Его огонь был любящим, но он обжигал. Его Сила

вливалась сладостно, но она горчила, словно кто-то уронил в чашу радости тёмные искры печали. Риана спрашивала его языком волшебства, языком той проникновенной нежности, которой Мать Мира одарила каждую из своих дочерей, но так и не получила ответ.

В предрассветных сумерках, когда магия начала угасать, впитываясь в землю и воздух, он оставил её. На этот раз Риана решила последовать за ним, но он ни разу не обернулся. А когда они вернулись к кострам, она потеряла его в толпе и больше не сумела найти.

Прежде чем первые искры Отцова Огня пролились на землю, она вернулась в замок тайными тропами, скинула ритуальный наряд и опустилась на ложе. В дневной части празднеств она почти никогда не участвовала.

Она снова стала привычной Рианой, и внутри болезненно запульсировала тоска по чему-то недостижимому, которое должно было принадлежать ей, но оказалось забыто.

А ещё, несмотря на все дары волшебства, данные мистической ночью, она не могла избавиться от ощущения, что теряла что-то очень важное.

IV

Иннру, король-друид Валлы, был одним из немногих людей, которые не праздновали ночь накануне Праздника Отцова Огня. Когда-то он уже встретил свою судьбу и больше не искал её среди прочих дочерей Богини. Но искры отзвевшего волшебства он ощутил в своём госте. Вальтен будто бы стал чуть менее угрюмым, чем обычно. Он даже улыбался каким-то своим мыслям, разделяя с Иннру утреннюю трапезу. Казалось, что-то глубоко взволновало Завоевателя, но волнение это было приятным.

«Интересно, какая из женщин Валлы разделила с ним поток Силы в минувшую ночь?» – подумал король-друид.

Сердце привычно отозвалось болью, когда он вспомнил королеву-ведьму Лиору и её дары. Как тяжело было простить девочке с её лицом и такими же длинными волосами цвета рассветных сумерек то, что она выпила силу матери, чтобы жить. Но Лиора очень хотела, чтобы всё было именно так. Всю себя она вложила в это колдовство. Она боялась, что Рiana однажды заблудится на Дорогах Ши, когда они снова позовут её, и больше не вернётся. Сейчас принцесса была лишь бледным подобием своей матери, которой никогда было не подняться до своих сестёр и братьев. В ней почти не горела сила королевского рода Валлы. А та, *другая* магия, что была сокрыта в ней и которую опасались люди, спала беспробуд-

но, как и пожелала когда-то Лиора.

– Земли Кемрана давно уже не поют таким волшебством, – со сдерживаемой горечью произнёс Вальтен. – Когда я имею честь быть твоим гостем, добрый сосед Иннру, я почти нахожу здесь то, чего мне так не хватает. Это успокаивает моё сердце и даже уводит мои мысли от привычного – от войны.

– Я рад этому, сосед. Валла не может похвастать богатствами Кемрана и едва ли способна привлечь твой взор, но мы чтим древние традиции, – осторожно согласился Иннру. – Для меня честь не меньшая привечать тебя здесь как гостя.

Ни на миг он не забывал, *кто* был перед ним. Молодой король Вальтен Завоеватель приходил, как друг, но однажды положение гостя могло показаться ему недостойным. Угроза висела над Валлой так же, как и над прочими землями, куда ещё не дошли кемранские воины. Завоёванные Вальтемом территории были дикими, гораздо более дикими, чем Валла. Но ведь и они тоже чтили древние традиции и ставили их выше нового странного знания.

Король Кемрана пристально посмотрел на Иннру. В его тёмно-синих глазах зажёгся тот особый огонь, который пугал и завораживал многих.

– В этот раз я, кажется, нашёл то, что искал. Я хочу увезти с собой часть волшебства Валлы, сосед, и на то испрашиваю твоего благословения. Возможно, это волшебство озарит со-

бой Кемран, и земля запоёт, как прежде.

– Что отсюда ты хочешь взять с собой?

– Я хочу, чтобы одна из твоих дочерей стала моей достойной супругой, королевой Кемрана.

Сердце Иннру учащённо забилося. Больно было бы расстаться с любой из них, кроме разве что третьей, самой младшей, смотреть на которую порой было так невыносимо. Страшно было отдавать любую из них этому опасному человеку, хоть он и был достойным воплощением Бога, истинным Воином по духу. Но король-друид Иннру был мудр, как и его предки, и понимал: такой союз навсегда обезопасил бы Валлу. И потом – кто знает? Возможно, королева из рода правителей Валлы сумела бы оживить волшебство в Кемране, ведь каждая принцесса и каждый принц несли в себе дар древней магии. Опасные вести доходили из Кемрана – вести о земле, закованной в ядовитую сталь, – и король-друид не хотел, чтобы тень, воплощённая в тех историях, накрыла однажды его любимую Валлу.

– Кого из них ты пожелал бы видеть своей королевой, сосед?

Тёмные глаза Вальтена на миг отразили пламя искры Бога, сокрытой в нём. В его взгляде Иннру различил жажду, которая когда-то заставила его искать Лиору среди масок привычных лиц. Голос правителя Кемрана был непривычно тёплым и чуть дрогнул от сдерживаемого волнения, когда он ответил:

– Ту, чьи глаза отражают тайну лесных озёр. Ту, чьи волосы струятся шёлком рассветных сумерек.

Король-друид Валлы улыбнулся не в силах скрыть ликование и медленно кивнул.

– Я дарю тебе своё благословение с лёгким сердцем. Мне известно, что Риана, младшая из моих дочерей, давно пленилась твоим огнём. Она не откажет тебе и привезёт в Кемран часть волшебства Валлы.

V

Ветер шумел в ветвях, перешёптываясь о тайнах минувшей ночи. Вдалеке звенели голоса и мелькали блуждающие огни. Но сегодня даже больше, чем искать их след, ей хотелось покоя.

Она обняла древний дуб. Шершавая кора под её ладонями была тёплой, и под покровом неспешно текла густая Сила – кровь земная. Она вздохнула и прижалась к дереву лбом, смутно вспоминая празднование Единения и вести, полученные днём. Ей было и страшно, и радостно, и она не знала, какое из этих чувств сейчас было сильнее.

Тихий мистический перестук копыт заставил её обернуться. Тёмный неосёдланный конь вышел на опушку и приветственно заржал. Ночная мгла выткала силуэты верных псов. Они радостно вились у её ног, привычно перетекая из формы в форму, удерживаясь от того, чтобы коснуться её.

Когда появился Всадник, она улыбнулась и прошелестела:

– Пусть ночь раскроет вам желанные объятия.

– Пусть она осыпет тебя своими драгоценностями, – ответил Всадник, склоняя голову.

Его конь беспокойно всхрапнул, и тревога передалась неосёдланному скакуну. Тихо заскулил кто-то из тёмных туманных псов.

– Ты желанна ему? – негромко спросил Всадник, и в тени

капюшона его глаза вспыхнули холодным серебром.

Она приложила ладонь к груди, унимая радость.

– Желанна. И обещана.

Кони тоскливо заржали. Псы приглушённо зарычали, и этот звук мог бы вызвать дрожь даже в самом храбром сердце.

– Ты выбрала опасный путь, – проговорил Всадник, и в его голосе ей почудились горечь и лёд. – Как далеко он завёл тебя теперь... Как далеко...

Когда она услышала его тяжёлый вздох, тень страха вдруг обняла её явственнее, чем обнимали крылья ночи.

– Если я покину земли Валлы – я не потеряю вас? – дрогнувшим голосом спросила она. – Вы ведь сможете приходить ко мне?

Всадник мягко рассмеялся, точно она спросила о чём-то столь же естественном, как смена времён года. Неосёдланный конь нетерпеливо загарцевал. Лай псов разнёсся в воздухе призрачным эхом.

– Мы здесь для тебя. Мы охраняем. Мы ждём. Наша дорога простирается не только по землям Валлы.

Страх отпустил её, свернулся на дне её сердца. Но чувства, которые она испытывала, по-прежнему были смешанными. Она не знала, был ли совершаемый выбор верным.

Помнила она и ещё кое о чём.

– Ты знаешь, кто приходил ко мне каждую ночь накануне Праздника Отцова Огня с тех пор, как моя хрупкая плоть

стала плотью женщины? – спросила она.

– Я знаю, кто приходил к тебе, – бесстрастно ответил Всадник.

– Открой мне его имя и облик.

Он тихо рассмеялся, но в этом звуке не было веселья.

– Тайны ночи пусть остаются с нею, пока она сама не решит напечатать их тебе. Возможно, там, в своём затянувшемся сне, ты напишешь новую сказку.

– Открой мне! – воскликнула она. – Я должна быть уверена!

Но Всадник лишь покачал головой и начал разворачивать коня.

– Будешь ли ты со мной в землях Кемрана? – прошептала она.

В его голосе она услышала улыбку, согревшую её сердце, хоть и не растопившую прочие её сомнения.

– Всегда.

VI

– Пусть бы зов Дорог Ши стал для тебя тише в землях Кемрана, – причитала Илса, расчёсывая длинные волосы принцессы и вплетая в них жемчужные нити. – Если молодой король Вальтен узнает, он, чего доброго, заточит тебя в башне, чтобы не потерять тебя! А в башне ты зачахнешь.

– Ну что ты такое говоришь! – беззаботно рассмеялась Ригана. – Рыцари не прячут принцесс в башни. Они их освобождают. А если серьёзно – то зачем мне бежать от лорда моего сердца?

– Хоть бы не ошиблась ты, девочка моя, – вздохнула пожилая ведьма. – Только бы того ты назвала лордом своего сердца – того, кто судьба твоя.

Принцесса задумалась и попыталась поймать пламенную птицу своей мысли, услышать ответ, но на ум приходили только те странные слова: *«Тайны ночи пусть остаются с нею, пока она сама не решит нашептать их тебе»*.

– Ты поедешь со мной, Илса?

Ведьма заколебалась и нахмурилась.

– Мне беспокойно на сердце. Жители Кемрана позабыли немало законов, и злые тени бродят по их земле, чей завет был отринут. Будь осторожна и в слове, и в деле, и никому не перечь в открытую. Даже королеву можно опорочить и свергнуть, если она откроется под удар. Жар Небесного Огня

– удел Отца, а Мать умеет искусно пряхать нити ночи и ткать тени. Но оттого власть её не меньше. Помни об этом, когда пожелаешь вдруг изменить что-то. Не всякий бой нужно вести в открытую.

Риане стало не по себе от этого пророчества. Слишком необычно было услышать такое прямо накануне свадьбы. Она обернулась к своей наставнице и тихо повторила:

– Так ты поедешь со мной?

Илса вздохнула.

– Мне тяжело покидать волшебную Валлу, да и не молодая я уже. Но твоя матушка Лиора, моя верная подруга, не простила бы мне, если б я не помогла тебе. Я поеду с тобой, Риана, и встану в тени твоего трона.

Девушка крепко обняла её. И пусть, как и всё прочее, этот шаг был сделан ради её матери, а не ради неё самой – на миг ей стало не так одиноко.

VII

Ярко пылал в небесной лазури Отцов Огонь. Переливались в воздухе звонкие голоса птиц, приветствовавших лето. Мягко волновалась луговая трава под ногами. Ветер приносил ей запахи полевых цветов и заповедного леса. Валла делала Риане прощальный подарок – это сияющее утро, призванное наполнить её сердце радостью. Хоть темнокрылая ночь и была всегда ей милее, девушка была благодарна любимой земле за этот дар.

Вся столица вышла провожать принцессу, будущую королеву Кемрана. Девушке казалось, что все они – и отец, и её братья, и сёстры, и приближённые – испытывали облегчение от того, что она наконец отбывает. Впрочем, с горечью одиночества среди людей она давно уже научилась жить. К тому же сейчас слишком велика была радость – её и Вальтена Завоевателя. Ей хотелось верить, что, выбрав её, он в отличие от всех принял её *по-настоящему*.

Суровый молодой король впервые на её памяти выглядел почти счастливым. Он казался ей особенно прекрасным сейчас, в блеске своей радости и гордости, и напоминал Риане одного из легендарных Воинов Ши. Дикий ветер играл его золотистыми волосами. Искры Небесного Огня плясали в его тёмно-синих глазах, хоть немного теплевших, когда он смотрел на свою невесту. И как хотелось ей, чтобы его серд-

це однажды забилося с новой силой... для неё.

Ради него Риана сегодня покидала земли Валлы, по которым – она знала – сердце будет тосковать.

«Возможно, Кемран не так враждебен, как о нём говорят? – подумала она, с грустью глядя на луг у крепостных стен, на далёкий заповедный лес. – О, Мать Мира, пусть только у меня хватит сил, чтобы озарить землю Вальтена Твоей древней магией, как он мечтает. Пусть всего, что Ты вложила в меня, окажется достаточно».

Девушке показалось, что она была услышана, и она улыбнулась.

Риана тепло попрощалась с отцом, братьями и сёстрами и махнула рукой на прощание столичным жителям. Вальтен помог ей сесть на легконого гнедого коня, а сам взлетел в седло своего боевого вороного. Вместе, стремя к стремени, они поехали по широкому тракту прочь от города, прочь от заповедного леса, сопровождаемые свитой, в которой была и верная Илса, и несколько воинов короля-друида.

Сердце Рианы сжалось от одиночества лишь на мгновение – не потому что она покинула родных, никогда так и не принявших её, а потому что Валла пела для неё в последний раз. Но потом принцесса посмотрела на молодого короля, которого назвала лордом своего сердца, и когтистая рука страха немного отпустила. Она так и не решилась спросить его о ночи накануне Праздника Отцова Огня. Сомнения вились над ней стаей беспокойных птиц.

«Всё покажет ночь, которая скрепит наш союз», – подумала девушка.

Оглянувшись, она бросила последний взгляд на заповедный лес. Она вспомнила обещание Всадника, и это обещание согрело её даже больше, чем сдержанная улыбка Вальтена Завоевателя.

VIII

– Молодой король выбрал себе невесту. Он вернётся в Кемран с красавицей-королевой!

– Наконец-то он забыл *её*! Война – верная супруга, но она не принесёт в своём чреве наследника.

– Вот только невеста его – ведьма из Валлы.

Тихий голос Сотара, самого мудрого из жрецов Отца, бывшего советником ещё при прежнем короле Радднире, заставил всех обернуться к нему.

– Но она – дочь мудрого короля Иннру, – нерешительно заметил другой жрец.

– Дочь короля-*друида* и королевы-*ведьмы*, – с нажимом заметил Сотар.

– Не всегда слова «друид» и «ведьма» вызывали в жителях Кемрана страх, – со вздохом пробормотал третий жрец. – Не всегда их связывали с теми, имена которых лучше и не упоминать все.

– Да, те, кто пропускает сквозь себя волшебство, оказались наиболее уязвимы перед лицом Блуждающих Теней, – скорбно сказал Сотар. – Наши бедные жрицы Матери... Их теперь и вовсе, наверное, не осталось... Ну а друидов и ведьм зло исказило ещё раньше!

– Но ведь и мы пропускаем сквозь себя волшебство, – прошептал второй жрец.

– Блуждающие Тени бегут перед лицом Отцова Огня, братья. Именно Ему мы служим, и Он защищает нас. Мать же прядёт нити ночи и ткёт тени – тени, которые так родственны с *другими*. Вот почему Её служительницы оказались столь уязвимы. У луны есть тёмный лик, и именно он всегда властвовал в Кемране. Ну а друиды и ведьмы пропускают сквозь себя так много, что однажды их разум и дух просто теряется на Проклятых Дорогах и в Гиблых Местах. *То*, что остаётся *вместо* них, опасно для всякого человека.

Они знали всё это, но иногда не мешало напомнить о тех ужасах, от которых служители Отца оберегали народ.

Третий жрец окинул остальных решительным взглядом и сказал:

– И всё-таки будущая королева – ведьма из Валлы, а не из Кемрана. Возможно, она сумеет противостоять здешнему злу. Возможно, она даже сумеет вернуть нам утраченное.

– Вернуть? – Сотар с горечью рассмеялся. – Уж не знаю, к добру ли будет это, ведь люди теперь выбирают иной путь.

– Ну а если молодая королева всё же станет сосудом для зла? – тихо спросил кто-то.

Сотар обернулся на голос.

– Тогда мы сделаем то, что должны. Мы очистим её, как и прочих, чтобы защитить короля и Кемран. Довольно нам Блуждающих Теней, сеющих страх в людских сердцах, шепчущих о кошмарах и недостойных деяниях. Не хватало ещё, чтоб Тени снова, как раньше, стали вселяться в живущих ря-

дом с нами. Довольно того, что не за всяким младенцем мы успевали уследить, прежде чем его *подменяли*! Увы, братья, как вы знаете, жрицы Матери больше не помогут нам. Бремя очищения давно уже лежит на нас одних.

Жрецы погрузились в молчание. Те из них, кто путешествовал за границы Кемрана в земли, которые всё ещё пели, скорбели по утерянному. Кто-то надеялся. Кто-то страшился. Сложно было оставаться последними стражами людей перед лицом неизвестного, когда само древнее волшебство было искажено, а почти все, кто пропускал его сквозь себя, стали сосудами Блуждающих Теней.

А сложнее всех было тем, кто знал больше прочих и нёс бремя ещё более тяжкое...

IX

Когда они пересекли границы Кемрана, Риане показалось, что на неё вдруг набросили душный полог. Её грудь словно сжали невидимые тиски, а привычный блеск красок Мира и переливы звуков отдалились. Пошатнувшись в седле, она хватала ртом воздух и не понимала, что с ней творилось. Её конь сбился с шага, точно почуяв её недомогание.

– Что с тобой, моя леди? – с тревогой спросил Вальтен, остановив своего вороного.

Она посмотрела на короля. Только сейчас она заметила перемену в нём и в окружавших её людях. Валла немного растопила доспех своих гостей, но, вернувшись домой, кемранцы снова стали привычно суровыми, хмурыми, как грозовое небо. Угасли песни и весёлые разговоры, сопровождавшие их всю дорогу. Точно лёгкая тень покрыла их лица, и тяжёлое бремя снова легло на их гордо расправленные плечи. Воины из Валлы, сопровождавшие принцессу, тревожно переглядывались. Даже Илса как-то изменилась и недобро прищурилась, глядя на изумрудные холмы вдалеке.

– Здесь тяжело дышать, мой лорд, – прошептала девушка.

Горькая усмешка понимания пересекла его резко очерченные губы. Его взгляд затуманился, словно он вспомнил вдруг о чём-то глубоко его ранившем.

– Моя земля уже давно не поёт таким волшебством, как

та, в которой ты была рождена, моя леди. Но, возможно, именно ты несёшь в себе так необходимый нам светоч.

Его слова согрели сердце, и даже дышать стало легче. Риана взяла себя в руки и тепло, с благодарностью улыбнулась ему. Вальтен чуть поклонился ей и прищпорил коня.

И снова они скакали стремя к стремени по широкой необъятной равнине и вдоль тёмно-бирюзовой полноводной реки к таинственным изумрудным холмам, а потом мимо древних диких лесов, напомнивших ей заповедные чащи друидов Валлы. Здесь, в Кемране, так же светил Отцов Небесный Огонь в глубокой лазури, так же ветер доносил запахи леса и полевых цветов, так же с поющим журчанием несли свои воды реки. Но всё это было лишено какой-то полноты, глубины, как будто сам свет жизни потускнел здесь. Кемран был землёй печали – молчаливой землёй, позабывшей свои песни. Он казался тенью себя самого, хрупким отражением в воде, готовый вот-вот покрыться рябью. Его красота внешне напоминала красоту Валлы, но внутренне он словно был скован неведомой силой. Что-то изменило его, выпило его глубинное волшебство, так что даже кровь земная обладала здесь иным привкусом.

«Хватит ли меня одной, чтобы озарить эту землю волшебством Валлы? – с тревогой думала Риана. – Подаренная мне Матерью Сила не так велика, об этом мне всегда говорили. Как же я сумею поделиться ею с другими, так чтобы оказалось достаточно? Или, возможно, нужно лишь напомнить

Кемрану, каким он был когда-то, отыскать его собственное волшебство, и тогда он очнётся от своего глубокого сна?...»

Эти мысли, да ещё и воспоминания о том, с какой надеждой на неё смотрела свита Вальтена, вернули её сердцу былую решимость. И пусть её желание исцелить внутренний надлом короля теперь обратилось в нечто гораздо большее – она не собиралась отказываться от задуманного.

Очнётся от глубокого сна...

Риана попыталась вспомнить что-то очень знакомое, связанное с этими словами, – что-то зыбкое и неуловимое, но такое важное. Вдруг краем глаза она уловила какое-то движение и обернулась к дикому лесу, вдоль которого бежал тракт. Ей показалось, что в сгущавшихся сумерках среди деревьев она увидела тёмные силуэты зверей и всадника. Они двигались беззвучно, как призраки, а потом и вовсе исчезли.

Риана посмотрела на своих спутников, с облегчением убеждаясь, что вроде бы больше никто ничего не заметил. Только Илса внимательно следила за ней всю дорогу да бросала тревожные взгляды по сторонам. Серый конь ведьмы – такой же серьёзный и основательный, как его пожилая хозяйка, – ни на шаг не отставал от гнедого принцессы. Девушка всегда подозревала, что её строгая наставница гораздо больше знала о Дорогах Ши, чем говорила ей. Возможно, Илса тоже заметила силуэты, но только вряд ли стала бы отвечать на вопросы принцессы, как и всегда.

На ночлег они остановились в трактире в небольшом городке, в паре дней пути от столицы. Люди высыпали на улицы встречать своего короля и его невесту, но это была не бурная безудержная радость жителей Валлы. Кемранцы в целом были угрюмым и тихим народом, скупым на проявление чувств, и радость у них была такой же сдержанной. Открытая улыбка Рианы была ярким лучом в толпе, разбавившим привычный серый сумрак.

Заезжий рыжеволосый менестрель исполнил за ужином несколько кемранских баллад. У него было приятное вдохновенное лицо, красивый, по-своему волшебный голос и быстрые танцующие руки. Его песни очень понравились девушке, хотя каждая, даже самая весёлая из них, имела лёгкий привкус печали. Но под эту музыку ей виделась то тихая ночь в заповедном лесу, то тёмная спокойная вода, то предрассветный туман над лугом. Мягкие сумеречные краски всегда дарили ей чуть больше радости, чем яркий полуденный свет. В них она видела покой, а не угасание. А переливчатый звёздный свет глубокой ночи был ничуть не менее прекрасен, чем рассветные лучи, пробуждающие жизнь.

Вальтен чуть улыбался её радости, а потом наклонился к ней и тихо спросил:

– Моя леди, может быть, ты исполнишь нам одну из песен Валлы? Сколько раз я гостил у вас и ни разу не удостоился чести услышать, как ты поёшь.

Риана вздрогнула под его взглядом, отражавшим такое

предвкушение, какое испытывают дети, когда им обещают волшебную сказку. Что-то в груди болезненно сжалось.

– Я не могу, мой лорд, – с усилием ответила она и перевела взгляд на людей короля, смотревших на неё с такой же надеждой и предвкушением.

– Почему? – удивился Вальтен.

– У меня плохо получается петь.

«Так плохо, что лучше вообще не слышать», – мысленно добавила она.

Заметив её смущение, Вальтен накрыл её руку своей тёплой ладонью.

– Когда ты говоришь – как будто тихая река журчит. Не может быть, чтобы у тебя получалось плохо. Подари нам немного вашей сказки сегодня, прошу.

Почему-то это было для него очень важно.

Кемранские воины горячо поддержали его. Менестрель с интересом подсел поближе, готовый подхватить мелодию и аккомпанировать ей. Илса отвела взгляд. Воины из Валлы, знавшие свою принцессу, смущённо молчали.

Риана поняла, что отказать не могла. Потом в голову ей пришла безумная мысль, что, возможно, в этот раз у неё и получится, особенно если она выберет песню, которая в последний раз лилась так гладко. Эту песню часто исполняли в числе прочих в ночь накануне Праздника Отцова Огня.

Если первая фраза ещё далась ей, то потом у неё снова возникло привычное чувство, словно горло вдруг охватили

терновые ветви. Ноты задыхались в гортани, не успевая вылететь, и ломали мелодию фальшью. Голос стал как будто чужим – сиплым и неприятным, как после тяжёлого недуга. Но менестрель узнал песню и поддержал принцессу, направляя её, помогая ей. Дойти до конца она смогла только благодаря ему и собственной королевской выдержке.

Вальтен сдержанно склонил голову в знак благодарности, но Риане показалось, что в его взгляде мелькнула тень разочарования. Его люди всё равно заплодировали – скорее её храбрости, чем исполнению. Менестрель ободряюще улыбнулся.

– В сказках принцессам положено иметь голоса, которые могут поспорить с журчанием ручьёв и пением птиц, – со смехом заметила Риана, обводя их взглядом, стараясь скрыть стыд и отвращение к тому, что голос снова подвёл её. – Увы, я не сказочная принцесса, а вполне обыкновенная.

– Я бы так не сказал, – мягко возразил менестрель.

Нечто странное промелькнуло в его болотно-зелёных глазах, но уже в следующий миг он заиграл что-то весёлое.

Вальтен взял руки девушки в свои.

– Станцуешь со мной?

У Рианы возникло назойливое ощущение, что он как будто испытывал её.

– Я не могу, – прошептала она.

– Я поведу тебя. – Он тепло, заговорщически улыбнулся ей и увлёк в центр зала.

Его руки были сильными, надёжными. Они поддерживали девушку, когда ноги привычно подогнулись, сведённые су-дорогой, стали вдруг чужими, окостеневшими. Риана споты-калась, ковыляя в попытках придерживаться ритма и нуж-ных движений. Внутри она сгорала от стыда, но её лицо было абсолютно невозмутимым, как и положено принцессе. Валь-тен посмотрел на неё без доли насмешливости, а потом вдруг подхватил её, без труда удерживая над полом, и понёс, закру-жил в танце, защищая от удивлённых неуклюжестью валл-ской принцессы взглядов. В этот миг она была ему особенно благодарна. Его объятия были приятны ей, и так легко ока-залось верить им себя. Когда король отвёл её обратно к об-щему столу, ей впервые было жаль, что танец закончился.

Риане очень хотелось хоть как-то исправить впечатление, и она решила рассказать одну из своих сказок. На миг при-крыв глаза, она вспомнила свои сны-путешествия и празд-нование Священных Дней в Валле, когда чувствовала себя самой собой, даже не зная до конца, какой она должна быть *настоящей*. Её голос привычно полился тихим, низким жур-чанием тёмной реки, когда она заговорила о заповедных ко-ролевских дубравах, где друиды и ведьмы проводили свои таинственные ритуалы, чествуя древнюю магию, и о колдов-ских блуждающих огнях, притягивавших одиноких путни-ков зовом чудес. Она тосковала по тому томительному чув-ству, которое рождалось в ней в Местах Силы, где Вуаль Матери всегда была полупрозрачной и потому можно было

встретить *других* Её детей. Но поделиться историей из числа своих самых любимых – о крылатой искристой ночи и прозрачном зове, и о тёмном кружеве ветров – принцесса не посмела. Она не хотела, чтобы люди короля стали побаиваться её, как те, кто окружал её в Валле. Вплетя в свою сказку часть легенд Валлы, она поведала простую историю о барде, собиравшем сказания по всем известным землям. Однажды пришёл день, когда ему оказалось мало людских историй, и он отправился в путь, на поиски Дорог Ши. В ночь Середины Лета, наиболее подходящую для колдовства, он случайно набрёл на одно из Мест Силы да и сгинул там бесследно. Вернулся он спустя много лет, когда у него уже не осталось ни родных, ни друзей, ни даже тех, кто помнил его. И хотя внешне бард ничуть не изменился, его глаза горели подобно колдовским огням Фэйри, а его голос пронизывало волшебство, с которым люди встречались так редко. И те, кто слушал его, говорили, что они как будто сами побывали в колдовском хороводе дивного народа. К сожалению, жизнь барда была недолгой, и он не успел обойти известные ему земли и поделиться чудесами, с которыми ему удалось соприкоснуться. Говорили, что, когда он умирал, его отнесли к тому самому Месту Силы и оставили там, а поутру никто не нашёл тела. Кто-то видел прекрасную деву из Фэйри, которая пришла за бардом и забрала его с собой, за Вуаль Матери. Возможно, именно её красоту он воспевал в некоторых своих песнях. Как бы там ни было, дар его вдохновения был так

велик, что искры его вспыхивали для других менестрелей и селились у них в сердце. И потому как в жизни часто не хватает чудес, люди не забыли его музыку и охотно привечали тех, кто нёс в себе эти искры.

Риане удалось передать своим слушателям часть тех чувств, которые она испытывала сама, и очаровать их. И дело было даже не в словах, которыми она ткала эту незатейливую историю, а именно в тех чувствах и в том волшебстве, которое она вплетала в сказку неуловимыми, на первый взгляд, тонкими искристыми нитями. Их могло увидеть разве что само сердце. Её голос принёс с собой немного волшебства Дорог Ши из её снов-путешествий. Вальтен словно сам ощутил это, и в его глазах она видела желанные искры восхищения. Воины Валлы вспоминали родную землю и её магию. Кемранцы тосковали по дыханию чуда, которого им так не хватало дома. Только Илса сокрушённо покачала головой и с опаской покосилась на короля.

Менестрель коротко посмотрел на Риану и запел новую балладу. Музыка была такой прекрасной, что вынимала сердце из груди, напоминая о несбыточном стремлении, о призрачном перестуке копыт и звенящем вое туманных псов, о зачарованных дорогах сквозь крылатую искристую ночь, пролегающих над тёмной засыпающей землёй. Но слова были тёмными, тревожными, с каждым куплетом раскрывая историю всё более жуткую.

Это была песня о Фэйри Двора Оживших Кошмаров –

тёмных Фэйри, которых даже в богатой чудесами Валле не любили вспоминать. Всякий страх воплотить им было под силу, хотя силу свою они черпали от той же древней магии земли, что и прочие Фэйри. Они подстерегали людей на тёмных дорогах у Мест Силы, где Вуаль Матери всегда была тоньше, и вручали им страшные дары – недуги, проклятия. Некоторые из них заманивали путников в ловушку, вырывали души из тел и вселялись в них сами, чтобы прятаться среди людей и нашёптывать им о страхах и недостойных деяниях, и о самых тёмных и опасных проявлениях древней магии. А были те, кто выходил к людям в одну из мистических ночей года, крал новорождённых детей и подменял их своими собственными. И тем опаснее были Подменыши, что могли свободно бродить по владениям людей и чинить несчастья всякому, кто встречался с ними. В балладе говорилось, что когда-то Ши Двора Оживших Кошмаров вели с людьми войны за Места Силы, но проиграли, потому что другие Ши тоже выступили против них. Война продолжалась по сию пору где-то там, за Вуалью Матери. Но Двор Кошмаров не простил людскому роду поражения. Их ненависть была сильна, и сильнее всего к тем из людей, кто, подобно Фэйри, пропускал сквозь себя волшебство.

Риана переплела пальцы, пряча дрожь в руках. Кровь отхлынула от её лица, и горло перехватило. Менестрель пел и всё это время смотрел на неё. Уж не хотел ли он предупредить её о чём-то? Уж не просил ли её быть осторожнее, что-

бы никто не узнал, *чья* Дороги звали её? Или он говорил, что ей, ведьме, небезопасно здесь? Его песня была обращена к ней, и это пугало, хоть она и не могла до конца разгадать смысл послания.

Её мысли прервал Вальтен. На последних аккордах он вскочил со своего места и гневно воскликнул:

– Как ты смеешь?! Как ты смеешь исполнять одну из этих песен, глупый музыкантишка?!

Все затихли.

– Прости, мой благородный король, но это ведь не запрещённая песня, – негромко проговорил менестрель, но в его взгляде не было настоящего раскаяния. – Это ведь тоже история Кемрана.

– Я прикажу переломать тебе пальцы, чтобы ты не смел исполнять ничего подобного при гостях из Валлы!

– Не надо, мой лорд, – вмешалась Риана, кладя ладонь на руку короля. – Он не сделал ничего дурного. В Валле тоже знают о Фэйри Двора Оживших Кошмаров.

Её голос был мягким, успокаивающим, но за мягкостью крылась решительность.

– Его глупая побасенка опечалила тебя, моя леди, – уже спокойнее возразил Вальтен.

– Просто мысли унесли меня далеко, мой лорд. Не причиняй вреда этому талантливому менестрелю. Если я смею просить тебя, пригласи его в замок на нашу свадьбу. Пусть его чудесные песни станут мне подарком.

Холод стали в тёмных глазах Вальтена сменился удивлением. Нехотя он кивнул и перевёл взгляд на менестреля.

– Будь благодарен будущей королеве за столь высокую честь. И будь осмотрительнее впредь. Я не прощаю промахов дважды.

Менестрель глубоко поклонился – больше Риане, чем королю.

Вальтен жестом велел продолжать веселье, и дальше ужин протекал как ни в чём ни бывало.

Х

Светоч Матери лил своё серебро – мягкое, целительное. Деревья с густыми раскидистыми кронами отбрасывали длинные тени. Обычно Риана очень любила таинственные ночные тени, но сейчас она так растревожила себя тёмными мыслями, что они впервые казались ей зловещими. *Что-то* поджидало её в Кемране – что-то недоброе и опасное, – но она никак не могла выйти на след этой беды, понять, откуда та могла прийти. Её мучили мысли о Дворе Оживших Кошмаров и о Подменышах. «*Часть истории Кемрана*», – сказал менестрель. Эту песню он пел *для неё*, рискуя навлечь на себя гнев Вальтена. Но почему Вальтен так сильно разгневался?

Разувшись, девушка с наслаждением шагнула босыми ногами на траву и прошла в глубину сада. Ей очень хотелось в лес, но попасть туда из городка незаметно, не наводя чар, она не могла – это ведь была жизнь, а не сон. Остановившись под каким-то деревом, она закрыла глаза и настроилась, вслушиваясь в течение крови земной, но голос древнего волшебства здесь был почти неуловим.

«Неужели даже в Священные Дни всё здесь так же молчаливо? – с тоской подумала принцесса. – Если так, то неудивительно, что кемранцы любят посещать Валлу во время Праздников».

Тихий звук шагов заставил её насторожиться. Риана не

стала тратить силы и наводить чары, способные отвести взгляд, а просто затаилась в тених. По кажущейся серебрястой траве шёл человек. В неверном свете луны она различила его черты – это был менестрель. Он не мог видеть её, но, похоже, почувствовал её присутствие, потому что заговорщически улыбнулся и прошептал:

– Сдаётся мне, сон в эту ночь миновал не только меня.

Принцесса выскользнула из теней, и менестрель учтиво поклонился ей.

– Моя благодарность не знает границ, милосердная леди. Девушка покачала головой.

– Мне было жаль твои танцующие руки и волшебство прекрасной музыки, которое ты ткёшь. Как тебя зовут?

– Тиллард, моя леди.

– А я – Риана из Валлы. – Она испытующе посмотрела на него. – Ты рисковал, Тиллард. Зачем?

– Затем, что мне кажется, принцесса Валлы найдёт в Керане совсем не то, что ожидает.

– Ты знаешь, чего я ожидаю?

– А *ты* знаешь, моя леди Риана? – В темноте его зелёные глаза мистически сверкнули, как у кошки. – Ты знаешь, что ты несёшь с собой?

– Волшебство моей земли.

– О да! С этим никто бы не посмел спорить! – Он тихо рассмеялся. – Поистине ты несёшь с собой волшебство.

Риана вздохнула.

– Я тоже люблю сказки, Тиллард. В моих сказках полно загадок даже для меня самой. Но хотя бы некоторые из них нужно раскрывать. Боюсь, я не понимаю до конца, что ты хотел сообщить мне через сказку о Дворе Оживших Кошмаров.

– Некоторые вещи лучше оставлять недосказанными, моя леди. Не обо всём безопасно говорить в Кемране, и это я хотел показать тебе.

Девушка отвела взгляд, но потом всё же не справилась со своим любопытством.

– Ты так поёшь о *них*, словно бывал там когда-то, – осторожно сказала она. – Ты споёшь мне ещё о Фэйри и о Дорогах Ши?

Менестрель склонил голову, проницательно глядя на неё.

– Нити, из которых я плету некоторые свои песни, подобны звукам и оттенкам, которые ты приносишь для своих сказок, принцесса.

Девушка побледнела.

– Ты знаешь... – выдохнула она.

Тиллард пожал плечами и лукаво улыбнулся ей.

– Но мало ли, что знаю я? Песня остаётся всего лишь песней, до тех пор пока кто-то вдруг не возьмётся искать её корни. К счастью, наш благородный король – не менестрель, но о корнях некоторых песен знает и он. Нужно лишь быть осторожнее, выбирая балладу для исполнения. Впрочем, я не мог не рассказать хоть немного о том, что скрыли другие.

– Что от меня скрыли?

– Ах, не спрашивай меня раньше времени, моя будущая королева, – с грустью ответил менестрель. – Лучше я сотку для тебя новые песни, чтобы увидеть сияние волшебства в лесных омутax твоих глаз. И пусть мне не под силу снять твои оковы, возможно, мне удастся сделать твою жизнь в земле печали чуть более радостной.

С этими словами он поклонился ей и развернулся, чтобы уйти.

– Постой! – воскликнула Риана, у которой были ещё сотни вопросов.

Но Тиллард только полуобернулся, приложил палец к губам, кивнув в сторону трактира, и быстро зашагал прочь. Должно быть, он боялся, что кто-то мог заметить их.

XI

Впереди показалась столица и огромный замок из тёмно-серого, как здешние приморские скалы, камня. На серебряных шпилях башен гордо реяли знамёна с гербом Кемрана – изумрудным деревом с пышной кроной и разветвлёнными корнями.

Как же велика была радость Рианы, когда она увидела заповедный лес, так похожий на тот, что был знаком ей с детства! Огромные древние деревья подступали к плодородным полям за городскими стенами и широкой, степенно несущей свои воды реке. Столица раскинулась на холмах, за которыми уже простиралась бескрайняя гладь седого моря.

Кемранские кони почуяли близость дома и значительно ускорили шаг. Коням из Валлы передалось их радостное беспокойство, и, не отставая, они понесли своих всадников, готовые поспорить с ветром в скорости. Риане казалось, что они буквально летят над равниной в ждущие объятия города, распахнувшего перед ними высокие узорчатые ворота.

Никогда в Валле её не встречали так тепло и радостно, как здесь. Как ни сдержанны были по природе своей кемранцы, их ликование было искренним. Они возлагали на свою будущую королеву большие надежды и всеми силами пытались показать ей, как желанно было её прибытие. И только жрецы Отца во главе со старым мудрецом Сотаром приветство-

вали её более скупой, чем прочие. В их взглядах Риане почудилась подозрительность, и невольно она вспомнила песню менестреля, а потом и то, как побаивались её в Валле.

А ещё принцессу удивило, что она не встретила ни одной жрицы Матери. Хотя она и слышала, что Бога в Кемране чествовали более открыто, чем Богиню, полное отсутствие жриц всё-таки показалось ей очень странным. По традиции ритуал соединения жизней должны были вести жрец Отца и жрица Матери, передающие благословение обоим Богам Мира, но в Кемране эта церемония почему-то проходила иначе.

В большом центральном Святилище Бога и Богини, где ярко сияло изображение Отцова Огня и оставался в тени одинокий трёхликий Светоч Матери, старый Сотар и его жрецы засвидетельствовали клятвы Вальтена и Рианы и дали им благословение Отца Мира. Сотар соединил руки правителей и вручил им кольца из странного красноватого металла. И хотя сердце девушки было полно радости, когда лорд её сердца нежно надел обручальное кольцо ей на палец, ей показалось, что рука на миг онемела. Кольцо было тяжёлым и немного жгло, но она не подала виду.

Хмурым взглядом Сотар смерил её амулет – изображение Бога и Богини, переплетённые в знаке древнего волшебства, герб Валлы. Отозвав девушку в тень, старый жрец прошептал:

– Ты более уязвима здесь, моя королева. Твоё волшебство

притянет к тебе нежеланное внимание тех, кого мы не вспоминаем всуе. Прими от меня этот скромный дар, и пусть он защитит тебя в Кемране.

Риана не стала возражать и не посмела задавать ему вопросы сейчас, когда и другие жрецы, и Вальтен, и кемранские вельможи наблюдали за ней. Девушка чуть склонила голову, и верховный жрец надел ей на шею кожаный шнурок с незнакомым знаком, выкованным из того же красноватого металла, что и обручальные кольца. Сердце предательски пропустило пару ударов, когда знак вдруг потянул её к земле. Ей показалось, что краски и звуки мира стали ещё более тусклыми, чем когда она только въехала в Кемран. Верховный жрец с хищным вниманием приглядывался к ней, как будто ожидая чего-то. Вся её выдержка потребовалась ей, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость.

– Благодарю тебя, мудрый Сотар, и да продлит Отец твои годы, – спокойно поблагодарила Риана и вернулась к Вальтену.

Когда рука об руку они вышли из Святилища к собравшемуся на центральной площади народу, девушка украдкой поправила шнурок, чтобы амулет ненароком не коснулся кожи и не обжёг. Но с кольцом она ничего не могла поделать и не понимала, почему её вдруг поразило это странное недомогание.

Толпа взорвалась криками ликования, прославляя короля Вальтена и его прекрасную супругу из Валлы. Над горо-

дом кружили большие кемранские соколы, и их серебристый клич пронзал лазурное небо. Появление священных птиц в таком множестве явилось хорошим знаком – боги благословляли союз.

В честь новой королевы был объявлен турнир, и лучшие воины Кемрана сражались за возможность удостоиться её благословения. А когда осталось всего трое, готовые сразиться за место победителя, сам Вальтен спустился на ристалище. Строго-настрого он приказал своим рыцарям сражаться с ним в полную силу, до первой крови. Народ ревел от восторга, ведь о воинском искусстве их правителя ходили легенды.

Впервые Риана увидела, *насколько* могуч и опасен был её избранник и почему вот уже столько земель склонилось перед ним, несмотря на его молодость. Его сила крушила всякое сопротивление. Поистине Отец благословил его талантами, которым позавидовал бы не один воин, и он превосходил всех своих рыцарей. Никто не мог сравниться с ним во владении мечом и копьём, которые направляла негибкая воля. Недаром говорили, что война давно стала ему супругой.

А когда огромный вороной конь понёс победителя к балкону королевы, Риане показалось, что даже не легендарный Воин Ши, а один из Всадников Дикой Охоты – самых опасных и противоречивых среди дивного народа Фэйри – остановился перед ней. Что-то сладко, томительно шевельнулось в ней, устало расправило спутанные крылья и снова улеглось.

Вальтен отсалютовал ей мечом и спешил. Подняв забрало, он улыбнулся и спросил:

– Заслужил ли я награду, моя королева?

Риана спустилась к нему и вручила ему свой лёгкий тёмно-синий шарф. Его глаза всё ещё горели азартом боя, и в этот миг он был чудесно красив.

– Пусть сила Отца всегда горит в тебе, и всегда защищает тебя благословение Матери, мой король, – искренне проговорила девушка и подарила ему поцелуй – не лёгкое касание губ ко лбу, которого удостоился бы какой-нибудь рыцарь, но поцелуй, достойный избранника.

Вальтен ответил ей горячо и сладко. Риана не могла объяснить почему, но поцелуй получился каким-то иным – не таким, как она ожидала. Впрочем, чего именно она ожидала, она и сама не решалась осмыслить до конца, и потому вдруг смутилась и чуть отстранилась. Но король не заметил её скованности. Посадив её в седло перед собой, Вальтен повёз её в замок под ликующие крики толпы и свиты.

Свадьба была громкой и пышной. Пировали всей столицей, и столы ломились от лучшей кемранской еды и напитков. Талантливейшие из менестрелей исполняли для короля и королевы самые чудесные свои песни. Но слаще всего был для Рианы голос Тилларда, ведь его баллады были наполнены привкусом такого родного ей волшебства. Сегодня он пел так, что даже Вальтен заслушался и забыл о своей вспышке гнева.

К сожалению, Риане так и не удалось поговорить с менестрелем, потому что она весь вечер была в центре внимания. А потом пришло долгожданное время удалиться с общего пира, и король, поднявшись с трона, подал ей руку. В его тёмно-синих глазах она видела тёплую нежность, и предвкушение сказки, и искры огней Ночи Празднования Единения. Сердце сладко дрогнуло. Беспокойные птицы-сомнения не кружили над ней и не терзали её, но замерли в тених её восприятия, с тихим шелестом сложив до поры до времени свои крылья. Риана вложила руку в широкую ладонь Вальтена и улыбнулась ему, возжигая искру Богини в себе для него одного.

Уходя из богато украшенного зала, она, конечно же, не видела ни тревоги в глазах верной Илсы, ни печали Тилларда, такой странной среди общего ликования пирующих гостей.

XII

Остались позади гремящий весельем замок и огромный, непривычно шумный город. Невысокий соловый конь был не слишком рад покинуть стойло ночью, но уважил просьбу своего всадника и теперь нёс его к древнему лесу. Они пересекли старый мост и поехали по берегу реки у самой кромки чащи – тёмной стены в лунном серебре ночи. Сквозь свой зачарованный сон деревья тянули к ним свои ветви в безмолвной просьбе о помощи. Глядя на них, менестрель нахмурился и тихо пообещал:

– В моих силах сделать не так много, но я спою для вас, как всегда.

Деревья тихо зашелестели, предвкушая момент, когда волшебство, заключённое в музыке, прольётся на них каплями редкой, драгоценной и такой необходимой им влаги. Эту живительную влагу они больше не могли испытать корнями из смолкшей земли и чахли без неё изнутри, неуловимо человеческим взглядом.

– Ну наконец-то! – заметил звонкий голос. – Мы уж ждали тебя.

– Я прибыл так скоро, как смог, госпожа, – учтиво отозвался менестрель.

Спешившись, он поклонился. Из теней леса вышла старая женщина с вязанкой ивовых прутьев в одной руке и незакон-

ченной плетёной корзиной с инструментами в другой. В её распущенных лунных волосах запутались листья. Зелёно-коричневые одежды украшали бусины и амулеты с забытыми знаками. Звонкий голос плохо вязался с её покрытым тонкой сеточкой морщин лицом. Зато он прекрасно подходил к её молодым глазам – изумрудным, искристым, как лесное утро – и к лукавой улыбке, такой необычной для большинства кемранцев.

Она устроилась на большом корне у воды и принялась плести корзину. Менестрель расседлал коня и, сев на траву, начал настраивать лютню. Для этой ночи подходила именно лютня.

– Расскажи мне вести, прежде чем споёшь для нас, Тиллард, – попросила старушка.

– Ты ведь слышала о новой королеве, госпожа Морна?

Она чуть улыбнулась.

– Ветер и лунный свет доносят в лес интересные истории. Но я хочу знать, о чём говорят люди.

– Народ принял её с ликованием. Дыхание волшебства Валлы подобно свежему морскому бризу. Я не помню, когда их глаза горели так, как сегодня.

– Это хорошо, что они не забыли, – одобрительно кивнула Морна. – Показали ли ей уже искусные творения мастеров из особого кемранского сплава, который в прочих землях ещё зовут ядовитой сталью?

Менестрель чуть вздрогнул и покачал головой.

– Нет, госпожа.

– Ну а что старик Сотар – запечатал её Силу?

– Запечатал, – вздохнул Тиллард. – Но никто, кроме меня, похоже, не заметил неладное.

– Иного я и не ожидала. Ах, бедняга Сотар, совсем скоро спятит от своих страхов. – Она грустно усмехнулась.

– Но то, что сделал Сотар, поправимо, госпожа. Гораздо сильнее то, что сделал кто-то другой, уже давно. И это я не знаю, как исправить.

Морна нахмурилась.

– Мне нужно увидеть её, чтобы помочь ей. Но это я смогу сделать, только когда она сама поймёт необходимость. Тогда ты приведёшь её ко мне.

– Да, госпожа.

– Будь осторожен, Тиллард. Жрецы Отца могут не видеть твоё волшебство ярко, но остерегайся их пристального внимания. Лучше бы тебе не появляться в городе некоторое время.

– Я не могу оставить её одну там. Она задохнётся в ке-мранской клетке. А разочарование, которое постигнет её скоро, больно ранит её, – возразил менестрель. – И тогда она спросит меня, и мне придётся спеть ей ответ. Почему ты не поможешь ей сейчас, госпожа?

– Я не могу вмешаться раньше времени, прежде чем будет озвучено желание.

– Но она ведь даже не знает, чего именно должна пожелать!

– Придёт время – узнает.

Тиллард опустился перед ней на одно колено.

– Если я смею просить тебя вмешаться...

– Не мучай меня просьбами, которые я всё равно не могу исполнить раньше положенного срока, – мягко прервала его Морна и покачала головой. – Час нужды уже близок, и в положенное время она избавится от своих оков. Ты напомнишь ей, а я исполню её желание... И твоё.

Менестрель нехотя склонил голову, вынужденный подчиниться ей. Морна протянула руку и ласково погладила его по волосам.

– Не печалься, мой друг. Как ни больно тебе знать, как ни мучительно не иметь возможности помочь так, как хочется, помни, что Мать искусно ткёт нити ночи и Её мягкий сумрак исцеляет раны.

– Я... помню это, госпожа. Я боюсь только, что могу не успеть остановить клинок Вальтена, даже если положу на это свою жизнь.

– Не зови беду раньше времени. Ты недооцениваешь свою королеву, Тиллард, – мягко улыбнулась Морна. – Она может привлечь неожиданного союзника. – Её улыбка стала лукавой. – Споёшь мне о ней? Уверена, ты уже сложил песню.

Менестрель смутился, но потом всё же устроился удобнее на соседнем корне и заиграл. Лес вслушивался в музыку древней магии, из которой Тиллард умело ткал мелодии, и жадно пил искры звуков. *Другим* своим голосом, не знакомым большинству людей, менестрель пел о прекрасной леди с волосами цвета рассветных сумерек и лесными омута-

ми глаз, о том, как ночь ткала для неё звёздные крылья и открывались ей Дороги, доступные так немногим. Он пел о той особой магии, заключённой в каждой струнке её существа, о которой сама она знала и помнила ничтожно мало, пленённая среди людей и до конца так и не принятая ими. Он пел о печали её пути среди тех, чьё понимание она мечтала завоевать, и о тоске тех, кто любил её, но не мог достигнуть. И сколько чудес предстояло ей принести с собой, если б только удалось распутать её ночные крылья, разбить оковы, сковавшие её волшебство!

У этой баллады был привкус Дорог, по которым тосковала королева. Морна слушала и чуть улыбалась своим мыслям. Лес замер, боясь нарушить волшебство музыки даже малейшим шелестом.

И кто-то ещё вслушивался в песню из теней у са2мой Вуали Матери. В какой-то миг Тилларду показалось, что на границах своей музыки он услышал вдруг эхо призрачного перестука копыт и звенящего многоголосого воя.

XIII

Первые лучи Небесного Огня проливались в покои через приоткрытые занавеси. Рассветное золото исподволь омывало брачное ложе, ставшее гробницей прежних мечтаний.

Риана лежала в объятиях спящего короля, едва дыша. Ей казалось, что, сделай она вдох чуть глубже, это растревожит открытую рану в груди, боль в которой и без того была невыносима.

Вальтен подарил ей и нежность, и огонь, но *не для неё* горела искра Отца в нём. Как было жить с тем, что в каждом её жесте, в каждом взгляде он искал другую? Как было жить теперь с его разочарованием, вплетённым в уважение, в котором не было места настоящей любви? Он не мог простить ей, что она оказалась *не той*, и никогда не смог бы простить...

А как было жить с разочарованием собственным? Ведь не его касания она *знала*, и её душа не могла переплестись с его. Она посмела мечтать, что найдёт свою судьбу в том, кого назвала лордом своего сердца, но это... был не он... И подобно тому, как Вальтену не дано было стать *тем, другим*, ей не дано было стать той, которую он так ждал, которую тоже, должно быть, встретил в ночь накануне Праздника Отцова Огня.

Теперь Риана поняла, почему большинство сказок заканчивалось свадьбой, и почти никто не писал о том, что же бы-

ло дальше. Но были ещё земля Кемрана и надежда людей, которую она должна была исполнить, и были сны-путешествия, которые могли хоть немного унять боль её сердца.

Вальтен пошевелился, выдохнул имя, которое она не сумела различить, и проснулся. Встретившись глазами с Рианой, он отвёл взгляд. Его лицо снова было непроницаемой суровой кемранской маской, и только где-то в глубине пульсировал надлом, который девушка не знала теперь, как исцелить.

«Тайны ночи пусть остаются с нею, пока она сама не решит напечатать их тебе...»

– Кем она была? – тихо спросила королева. – По кому тоскует твоё сердце и кем мне никогда не стать?

Вальтен нежно погладил её по волосам.

– Всё, что я могу подарить тебе, будет твоим, моя леди. Только сердце моё не трогай – от него почти ничего не осталось.

Когда король покинул их покои, Риана вышла на балкон и посмотрела на раскинувшийся внизу город, на седое море, тянущееся до самого горизонта, на древний лес, подступавший к самым стенам замка. В небе звенел серебряный клич соколов. Ветер ударил ей в лицо, приветствуя утром новой жизни и высекая слёзы из глаз. Она плакала беззвучно и горько, распрощавшись с мечтой, и не знала ещё, что за страшное открытие готовила ночь и все последующие за ней.

А дело было в том, что с этого дня ей перестали сниться

сны...

Когда отгремели свадебные празднества, дни потекли своим чередом. Жизнь в Кемране была привычной, и каждодневная суэта внешне мало чем отличалась от других территорий. Так же пёкся поутру хлеб, звенели молоты кузнецов, стучали подковы коней и колёса повозок по мостовым, лаяли беспокойные собаки во дворах, пели в садах птицы. За городом всё так же возделывалась земля и так же стада выходили пастись на изумрудные холмы у моря. Вот только без привкуса волшебства, которым обычно сопровождалась жизнь, всё казалось каким-то пресным, полуживым, словно мелодию вдруг лишили ключевых звуков, а в картину забыли добавить основные краски. Люди вроде бы и жили и вместе с тем как будто маялись какой-то неясной им самим тоской. Риана пыталась разгадать загадку этого и не могла понять, куда же утекло кемранское волшебство, почему уснула земля. С каждым днём она становилась всё более уязвимой для этой всеобщей тоски, потому что, когда обещание Всадника осталось невыполненным и сны ушли, ей больше неоткуда было черпать силы, *нечем* было писать сказки. Всё меньше оставалось в ней того, что можно было разделить с кем-либо. Её Сила как будто таяла, безвозвратно утекала сквозь разверзнутую где-то в сердце брешь. Всё больше пригибал к земле амулет, и жгло руку обручальное кольцо. И всё же она мужественно продолжала свой поиск правды.

Каждый день Риана объезжала столицу и окрестности,

знакомилась с людьми — от вельмож до ремесленников, — узнавала сплетни, слушала сказки, и картина всё никак не складывалась воедино. Кемранский народ обожал молодую королеву. Люди охотно помогали ей и делились с ней всем, что она хотела узнать. Лишь одна тема оставалась запретной, и рассуждали об этом нехотя: что стало со жрицами Матери, и с друидами, и с ведьмами Кемрана. О тех же, кто бродил Дорогами Ши, говорили мало и со страхом, боясь привлечь внимание Блуждающих Теней Двора Оживших Кошмаров. Да и сами Дороги назывались здесь ни много ни мало *Проклятыми*. Впрочем, это уже не удивило Риану после того как она узнала, что и Места Силы теперь звались Гиблыми, так отравлена была кровь земная. Священные Дни широко не праздновали со времён старого короля Радднира. Поначалу боялись мистических ночей, о которых предупреждали жрецы Отца — ночей, когда особенно сильны были Блуждающие Тени, — а потом попросту отвыкли.

Девушка знала, что старый Сотар и другие жрецы Отца пристально следили за ней с самого дня её прибытия в столицу, точно ожидали, что она вот-вот оступится, ошибётся. Риана подозревала, что у них-то как раз нашлись бы недостающие ответы, только вот вопросы задавать пока не смела ни им, ни Вальтену, который всё больше от неё отдалялся. О нет, король был прекрасным супругом. Ни в чём она не знала нужды, и ни в чём ей не было отказа. Вот только сердце его оставалось молчаливым, как заброшенный лесной омут,

и милее, чем тепло общения или даже мягкий сумрак общих покоев, ему были государственные советы, охоты и тренировки на ристалище.

И Всадник не исполнил своё обещание... Гости её сновидений не пришли к ней даже в мистическую ночь накануне Праздника Середины Лета, и её сердце отчаянно тосковало, било спутанными крыльями о прутья невидимой клетки, запертое от чудес и красок Мира.

Единственной настоящей отрадой для Рианы стали песни Тилларда. Менестрель отказался от своих странствий, присягнул королеве и поселился при замке. Девушка не знала, почему Тиллард вдруг решил поступить так, ведь она не налагала на него никаких обязательств после того, как отвела от него гнев Вальтена. Но менестрель настоял на своём, ничего не объясняя, и за его присутствие она была ему благодарна. Он пел ей особые свои баллады, пронизанные привкусом чудесного и несбыточного, безвозвратно утерянного ею. И в нём Риана нашла неожиданного друга, который принимал её и понимал лучше, чем кто-либо за всю её жизнь. Ей несложно было догадаться, что Тиллард, должно быть, как и она сама, ходил Дорогами Ши, а этот талант в Кемране не поощрялся. Они никогда не говорили о Фэйри напрямую, потому что королева боялась навлечь на своего менестреля гнев жрецов. Но, как известно, для понимания сердцу достаточно и случайного взгляда.

А потом пришёл день, выведший её на перекрёсток. В этот

день ей наконец показали гордость Кемрана – металл, которому не было равных во всех известных землях.

XIV

– А понравились ли молодой королеве гобелены со сценами охоты?

– А по вкусу ли ей пришлись свежие булочки, приготовленные по новому заморскому рецепту?

– А как прошла её прогулка по охотничьим угодьям?

– А не слишком ли она опечалилась, что у нас почти не празднуют Середину Лета?

– А показали ли ей уже удивительные творения мастеров из особого кемранского сплава?

Старый Сотар слушал людскую болтовню вполуха и лишь на последнем вопросе весь обратился во внимание.

– Она побледнела, едва только увидела искусные изобретения мастеров.

– Неужели настолько не понравились эти чудесные вещи?

– Сложно сказать. Пока мастера показывали да рассказывали ей, на что способны их творения, леди королева едва не лишилась чувств и через некоторое время попросила увести её из зала. Признаться, мастера опечалились, что их работа не пришлась ей по душе.

– А ведь их величают волшебниками металлов!

– Леди королева родом из Валлы. Кемранский сплав в других землях зовут ядовитой сталью.

– Это потому что они боятся нашего оружия, не знающего

себе равных.

– Но леди Риана теперь *наша* королева. Негоже ей бояться творений её земли.

– Творений лучших наших оружейников она не стала и касаться...

– Как странно это всё.

– Но ведь леди королева – ведьма. Возможно, волшебство металлов ей просто чуждо.

Сотар нахмурился и покачал головой в ответ на свои мысли. Неужели дела обстояли именно так, как он опасался? Но ведь молодая королева носила защитный знак, носила обручальное кольцо – то, что никто из *них* так долго носить бы не смог. Или он проглядел что-то и не заметил перемены?

Отправлялся в храм верховный жрец с тяжёлым сердцем. С каждым прожитым годом бремя знания становилось всё тяжелее, а застарелая вина и упрятанный глубоко страх – всё невыносимее.

В Святилище Сотар собрал четвёрку самых доверенных своих жрецов – тех, кто вместе с ним нёс бремя знания и старой вины, – и поделился с ними своими опасениями.

– Королеву Риану любит народ. Даже если она оступится, ей простят это, – заметил первый жрец. – Ну а этот случай в королевской мастерской нельзя даже считать ошибкой.

– Значит, если до этого дойдёт, нам придётся показать народу то, что сделает её вину неоспоримой, – возразил Сотар.

– Но пока она не сделала ничего дурного. Возможно, нам

и не придётся признавать за ней никакой вины!

– Возможно, и не придётся, – не стал спорить верховный жрец. – Но если такое время придёт – мы должны быть готовы.

– А что король Вальтен? – спросил второй жрец. – Он ведь остаётся нашим союзником?

– Вальтен не похож на своего отца, сделавшего нас такими, какие мы есть теперь. Нашим союзником он будет лишь до той поры, пока остаётся в неведении, – проговорил Сотар то, о чём все здесь и без того подозревали. – Наше счастье в том, что его сердце отвернулось от людей и заботит его по-настоящему только война.

– Поиск древнего волшебства заботит его не меньше, – осторожно заметил третий жрец. – Иначе бы он никогда не выбрал себе жену в Валле.

Его звали Лаэдр, и он был вторым по силе и мудрости после Сотара. Лаэдр чаще прочих говорил о необходимости в чудесах, выражал надежду о возвращении старых времён и защищал королеву. Горечь вины была у него сильнее, чем у всех остальных, кто нёс вместе с ним старое бремя.

– Однако же он рассчитывал, что она вернёт всё утраченное одним взмахом руки, и разочаровался, когда этого не произошло, – сказал четвёртый жрец. – Да и как ей может удаться то, что не удалось нам за все эти годы! Мы искали пути, и всё впустую.

– Вальтен не знает тайну Древа Жизни Кемрана. Если бы

он знал – он бы не простил нам, – ответил Сотар и поднял голову, глядя на высокий потолок Святилища.

Остальные проследили за его взглядом.

Среди символов Отца и Матери Мира и защитных знаков в середине пылал яркими изумрудными красками герб Кемрана – древо с пышной кроной и разветвлёнными корнями.

XV

– Королеве нездоровится, и она никого не принимает.

– Меня она примет. Пропусти меня, госпожа.

– И не подумаю.

– Я знаю, как помочь ей.

– Ты, дерзкий мальчишка, думаешь, милость королевы на тебя вечно распространяться будет? – возмутилась ведьма. – А ну прочь отсюда!

Тиллард внимательно посмотрел в глаза старой Илсы и позволил *иной* части своей сущности, тесно переплетённой с человеческой, отразиться в своём взгляде. И хотя та его часть не была по сути своей тёмной – подобно лесу, она имела и свет, и тени. Чуждая, непонятная многим, она могла пугать.

– Я должен увидеть королеву, госпожа, – тихо проговорил он другим своим голосом – тем, которым пел разве что для древнего леса.

В глазах пожилой ведьмы отразились изумление и страх, но страх не столько перед ним самим, сколько перед тем, что он нёс в себе. Медленно Илса отступила в сторону, пропуская менестреля в личные покои королевы.

Риана сидела у окна. Она была такой бледной и измождённой, что при взгляде на неё сердце сжималось. Она уже мало походила на ту восторженную принцессу, желанную невесту

своего возлюбленного, которая впервые шагнула в Кемран. Истинно королевская выдержка и стальная воля помогали ей держаться при людях, но наедине с собой она сдалась. Её глаза потухли со времени их первой встречи, и сейчас в них не было ничего, кроме боли и усталости. И всё же её лицо озарилось радостью, когда она увидела его.

Пренебрегая приличиями, Тиллард быстро шагнул к королеве и взял её хрупкие, кажущиеся прозрачными руки в свои, избегая касаться кольца.

– Ты должна уйти со мной сегодня, моя королева, до заката, пока не закроют ворота. Сегодня прекрасная лунная ночь.

Риана отшатнулась, но руки не отняла, словно черпала в этом касании силу. Впрочем, возможно, так оно и было, но менестрель готов был отдать ей всё, что требовалось – в том числе и силу, текущую в его крови.

– Куда уйти? – Её голос звучал слабо, но требовательно.

– Я отведу тебя в лес. Доверься мне, моя королева, прошу тебя.

– В лес, – повторила она как во сне, и в её взгляде отразилась глубинная тоска. – Да, я хочу в лес. Забери меня, Тиллард.

Илса всплеснула руками.

– Если кто-то узнает, вы хоть представляете, сколько будет разговоров? И каких!

Риана обернулась к ней.

– Помоги мне, Илса, – попросила она с болью. – Я задыхаюсь здесь. Укрой нас своими чарами, отведи враждебные взгляды, прошу тебя.

Ведьма колебалась. Коротко, опасливо она посмотрела на Тилларда, потом перевела взгляд на королеву и наконец кивнула.

– Твоя матушка не простила бы мне, если б с тобой приключилась беда. Я сделаю, как ты говоришь.

Илса выткала покров волшебства и набросила его на менестреля и королеву, пообещав поддерживать плетение своих чар до самого следующего дня. Тиллард увёл Риану из покоев в конюшни. Она старалась не показывать своей слабости, но вынуждена была опираться на его руку. Вся её сила за это время была выпита, и если бы он выждал ещё немного – королеву поразил бы недуг. И всё же девушка настояла на том, чтобы ехать самой, и он оседлал обоих коней: легконогого гнедого из Валлы и своего солового.

Закат ещё не окрасил небо алой медью, когда они выехали за ворота к изумрудным холмам у моря. Вырвавшись из объятий города, Риана вздохнула свободнее и благодарно улыбнулась менестрелю. Её радость стоила риска, стоила всего, что могло бы с ним случиться, если б кто-то узнал. Он помнил, что королева очень любила суровые скалы, обрывающиеся у самой воды, любила стоять на краю и любоваться опрокинутой чашей неба, даже когда моросил дождь и оно обретало цвет серого лунного камня. Но сейчас её манил, притя-

гивал древний лес. И столько в её глазах было неизбыточной тоски, что Тиллард пожалел, что вынужден был ждать так долго. Риана должна была хоть немного узнать Кемран, а потом увидеть кемранский сплав. За это время удалось немного усыпить бдительность жрецов, которые пока не видели в ней опасности. Да и ювелир закончил тайный заказ только сегодня...

Кони, обрадованные неожиданной прогулкой, летели вдоль реки, а Риана то и дело бросала взгляды в чащу, словно пыталась разглядеть там кого-то. Потом они пересекли старый мост, о котором уже мало кто помнил, и поехали вдоль леса. Здесь кони чуть сбавили шаг. Тиллард направил своего солового прямо в чащу тропой, которую хорошо знал и он сам, и его скакун.

Риана не задавала вопросов. Чем теснее смыкались вокруг древние деревья, сейчас погружённые в зачарованный сон, тем больше светлело её лицо. А когда смолкли птицы и мягкие сумерки опустились на лес, она распрямилась в седле, сбрасывая груз изнеможения. Тиллард отчётливо видел бы тропу и в полной темноте, но коням помогал лунный свет. Светоч Матери сегодня щедро делился своим серебром, обливая каждую травинку, каждую тончайшую веточку. Мистический свет и голубоватый сумрак наполняли лес воспоминаниями о волшебстве, которое здесь давно уже угасло.

На поляне, где грибы до сих пор росли кругом, а тонкие ветки образовывали тройные арки проходов сквозь Вуаль,

Тиллард остановил солового и спешился, а потом помог спешиться королеве. Когда-то здесь было небольшое Место Силы, но сейчас источник иссяк.

Он расседлал коней и нашептал им, чтобы они не шли в глубину леса. Деревья вопросительно зашелестели.

– Я спою вам, но чуть позже, – тихо пообещал он им и обернулся к Риане.

Девушка разулась и босиком прошла по траве. Остановившись в середине поляны, она закрыла глаза и подняла голову. Лунное серебро обливало её, путалось в длинных волосах цвета рассветных сумерек. Сейчас она была так похожа на себя настоящую – такая же прекрасная, как в ту ночь, когда он впервые говорил с ней и не сумел раскрыть ей всего. Но как было рассказать теперь?

«Помни, что Мать искусно ткёт нити ночи, и Её мягкий сумрак исцеляет раны...»

Тиллард подошёл к девушке и опустился перед ней на одно колено.

– Моя королева, я прошу тебя довериться мне. Сними своё обручальное кольцо и защитный знак, данный тебе верховным жрецом Сотаром.

Лесные омуты глаз распахнулись в изумлении.

– Но разве тогда я не стану более уязвимой?

– Разве что для собственной *настоящей* природы, – грустно усмехнулся менестрель и протянул ей раскрытые ладони. – Сними их и отдай мне, моя леди. От этого не будет бе-

ды.

Поколебавшись, она сняла сначала амулет, а потом и кольцо. На тонком изящном пальце остался след от ожога. По крайней мере, жреческий знак она могла носить поверх одежды. Как же она терпела всё это время? Как скрывала? И только встречи с ядовитой кемранской сталью не выдержала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.